

Александр Щёголев

Двое на дороге

Часть сборника
Свободный Охотник (сборник)

Александр Геннадьевич Щёголев

Двое на дороге

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133580

Свободный Охотник: АСТ, Terra Fantastica; М.: 1997

ISBN 5-7921-0174-4, 5-15-000194-5

Аннотация

«Когда запылало в небе полуденное сияние, когда затопил дорогу ослепительный свет, когда попрятались в лесную тень путники, кто-то положил Оборвышу на плечо массивную ладонь.

Он обернулся. В глазах прыгали картинки из новой небылицы, сюжет которой явился ему утром, в ушах звучали голоса персонажей, вот почему он не слышал шагов, вот почему не сразу узнал подошедшего.

– Оборвыш! – воскликнул человек. – Какая встреча!..»

Содержание

Первая:	4
Вторая:	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Щеголев

Двое на дороге

приключения в шести встречах

Первая:

Когда запылало в небе полуденное сияние, когда затопил дорогу ослепительный свет, когда попрятались в лесную тень путники, кто-то положил Оборвышу на плечо массивную ладонь.

Он обернулся. В глазах прыгали картинки из новой реальности, сюжет которой явился ему утром, в ушах звучали голоса персонажей, вот почему он не слышал шагов, вот почему не сразу узнал подошедшего.

– Оборвыш! – воскликнул человек. – Какая встреча!

Это был Пузырь. Бывший сосед и друг. Бывший мальчишка.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Пузырь.

– Сажу и думаю, – отозвался Оборвыш.

И правда – он здесь делал именно это. Сидел на пенёчке в тени раскидистого лиственника, смотрел на обезлюдевшую дорогу и размышлял. Ему ужасно хотелось достать из заплечника заветный листок бумаги, перо, чернила и начать

работу, но он не смел, потому что вокруг было слишком много чужих глаз. Он мог бы углубиться в лес, найти укромное местечко и расположиться там, однако пока держится полуденное сияние, по лесу бродит уйма уставших от нудного пути людей, поэтому пришлось бы забираться далеко от дороги. Самым разумным представлялось ему тихонько сидеть, ожидая, когда путники вновь выйдут на дорогу, и просматривать задуманную небылицу от начала до конца, чтобы потом легче было превращать ее в слова.

– И давно? – поинтересовался Пузырь с усмешкой.

– Что давно? – не понял Оборвыш. – Сижу или думаю?

– И то, и другое.

– Пень занял за полчаса до сияния. Думать начал с тех пор, как родился.

Пузырь посмеялся.

– Ничего другого ты никогда и не умел.

– Оставь, – поморщился Оборвыш. – У каждого свои следы на дорогах и свои пни в лесах. Мы с тобой сидим на разных. И, наверное, идём тоже в разные стороны.

– Ты совсем не изменился, – сказал Пузырь, будто приговор вынес. – Узнаю твои бредни. Я, между прочим, не сижу на пнях, я кручусь по этим проклятым дорогам, почти как вертень. Не умею бездельничать. А ты, погляжу, так ничем и не занялся. Всё такой же. Только похудел ты, Оборвыш, здорово похудел.

– Потому что стал взрослей, – Оборвыш окинул бывшего

друга внимательным взглядом. Тот стоял перед ним – толстый, увесистый, довольный жизнью и, особенно, собой в своей жизни. – Кстати, – добавил Оборвыш, – ты-то ничуть не повзрослел. Такой же упитанный.

– Еда, – убеждённо сказал Пузырь, – это главное, – он достал из-под рубахи сушёную лепёшку, с хрустом откусил и принялся жевать. Самозабвенно двигая челюстями, попытался еще что-то сказать, мудрое и важное, но речь его в этот момент стала невнятной, поэтому смысл нового откровения благополучно миновал слушателя. Пузырь быстро оставил от лепёшки один только запах, а потом равнодушно поинтересовался:

– Ты что, насовсем ушёл из деревни? Или как?

– Насовсем. Отец мой умер, а больше меня ничего не держало. Деревня – это хуже присоски. Та пьёт кровь, а она – душу.

– И правильно сделал! Я вот тоже несколько не жалею.

Пузырь отвернулся и некоторое время ожесточённо плевался – очищал рот от шелухи и неразмолотых зёрен. Дрянная у него была лепёшка.

– Хорошо живёшь? – спросил Оборвыш. – Давно тебя в деревне не видать.

– Жаловаться некогда, – ухмыльнулся Пузырь. – И думать тоже. Моё занятие меня кормит досыта. Вон, видишь, повозка стоит? Это моя. Хочу топтуна купить, тогда совсем хорошо станет. А пока сам её таскаю.

– Ты перекупщик, – вздохнул Оборвыш.

– Я хозяин дороги, – не согласился Пузырь. Он всегда был гордым мальчишкой. – Я везу людям то, чего им не хватает, а взамен беру лишнее. Стою на ногах крепко, меня теперь с дороги не сбросишь. Мои пути размерены на год вперёд... А ты, Оборвыш, чем думаешь заняться? Ты куда идёшь?

– В город.

– Зачем?

– Мне надо.

Пузырь тревожно огляделся, наклонился к самому уху Оборвыша и зашептал, противно брызгаясь слюной:

– Имей в виду, в городе сейчас сложно. Я как раз оттуда еду. Ходят слухи, будто бы иноверцы хотят на нас напасть, вот Верховные воеводы засуетились, стали к войне готовиться. Людей прямо на улицах хватают – либо в солдаты, либо по всяческому подозрению. Не знаю, может и враньё это, насчёт иноверцев. А только я при выходе из города чуть не попался. Еле откупился.

– Спасибо, что предупредил, – Оборвыш поблагодарил искренне. – Я буду осторожен. Хотя, твой рассказ меня не очень пугает. Мне бы успеть дело своё исполнить, это главное, а что потом – неважно. Пускай даже в солдаты забирают.

– Какое дело? – заинтересовался Пузырь.

– Да так... Ничего особенного.

– Может быть я могу помочь?

– Вряд ли.

Бывший друг заёрзал. В нём проснулось любопытство, это сладостнейшее из чувств, а к подобным лакомствам Пузырь всегда относился бережно и основательно, и чтобы удовлетворить его, он предположил полушутливо:

– Ты идёшь разбогатеть, да? Вообще-то у тебя голова на месте, ты вполне мог что-нибудь выдумать.

– Не говори ерунду. При чём здесь «разбогатеть»?

– Из деревни уходят только для этого. Разве нет? Доверься мне, Оборвыш. Ты что-то затеял?

– Перестань! – Оборвыш даже рассердился. – Ошибаешься, я не кладоискатель вроде тебя!

– Клад... – тихо проговорил Пузырь. Глаза его хищно сверкнули. – Точно! Я понял, зачем ты отправился в такую даль, – было видно, с каким напряжением заработала его мысль. – Тебе отец перед смертью открыл нечто важное, вот ты и сорвался с места. Признайся, ведь так?

Оборвыш неожиданно хихикнул.

– Из тебя, Пузырь, получился бы приличный сочинитель.

– Почему?

– Когда ты сыт, в твою голову являются самые невероятные глупости.

Пузырь угрожающе надвинулся, навис над пнём, загородил своей тушей окружающий мир, желая объяснить этому тощему умнику всю необдуманность его шуточек, но тот вовремя добавил:

– Кстати, ты прав, как ни странно. Перед смертью отец

мне действительно сказал кое-что важное.

Неумолимое движение приостановилось.

– Что?! – выдохнул бывший друг, вспотев от возбуждения.

– Да ну, тебя это не заинтересует. Чисто отцовское напутствие, специально для меня.

Пузырь судорожно икнул: его горло терзали вопросительные знаки. Затем хотел ещё что-то спросить, но передумал. Неутолённое любопытство – горькая штука, Пузырь ее глотал долго, мучительно, а проглотив, скривился от обиды:

– Раньше ты не был таким скрытным.

– Раньше и ты не был «хозяином дороги», – равнодушно возразил Оборвыш.

Пузырь замолчал. Он постоял некоторое время около пня, размышляя, о чём ещё можно поговорить, не зная, как ущипнуть земляка побольнее, и в конце концов не нашёл ничего лучше, чем обратиться к главной теме детских насмешек:

– Бреднями-то своими ещё балуешься? Или бросил, наконец?

– Не бросил.

Пузырь оживился.

– Ты бездельник, – радостно заговорил он. – Ты родился бездельником, всю жизнь не делаешь ничего путного и умрёшь от безделья.

Оборвыш не ответил. Он зачем-то задрал голову и, прищурившись, посмотрел вверх.

– Сколько я помню, вечно ты сидел где попало, зыркал по

сторонам дикими глазами и губами шевелил. Будто больной. Небылицы, видите ли выдумывал! А на всех кругом плевал. Просто смешно – ни одного пня пропустить не мог, чтобы не взгромоздиться на него и не прикинуться мыслителем! Почти, как сейчас... На самом деле, Оборвыш, ты дурачок, потому что главного до сих пор не понял. Чтобы хорошо жить, нужно хорошо кушать, а хорошую еду на пнях не высидишь. Потому ты и тощий такой. От глупости и безделья.

Пузырь засунул руку себе под рубаху и громко почесал живот. У него был внушительный живот, горделиво покоящийся на мощной колоннаде ног, плотный, тяжёлый, требующий кропотливого ухода и любящий знаки внимания от хозяйских рук. Оборвыш окинул рассеянным взглядом нависшую над ним откормленную плоть, отвернулся и вновь посмотрел вверх. Туда, где сквозь узенькие лазейки в броне листвы просачивались струйки ослепительного света. Туда, где плясали отблески жутких, к счастью, невидимых отсюда вспышек. Полуденное солнце буйствовало вовсю. Однако властвовать над миром ему осталось всего несколько мгновений. Оно утихнет, раствориться в небе, как это бывало каждый день – вчера, позавчера, год назад, вечность назад.

– Извини, конечно, – весело говорил Пузырь, – но ты весь в своего отца. Он ведь у тебя тоже был каким-то повёрнутым. Вроде бы и работал, а жили вы хуже всех в деревне. Правильное тебе прозвище дали. Такой же тощий он был, как и ты. И

ясное дело, ничего полезного не мог открыть перед смертью, какие там у него клады! Правда, Оборвыш? Или ты наврал мне, признайся! Молчишь... Бездельник ты, парень, и отец твой был бездельником, оттого и умер...

Пузырь продолжал самозабвенно грубить, смакуя каждый звук. Он ухмылялся и почёсывал трепещущий от удовольствия живот. Оборвыш тем временем, ладошкой прикрываясь от брызг словесной грязи, всё смотрел и смотрел наверх – и размышлял о чём-то приятном, значительном, важном. А когда иссяк поток обвинений и вопросов, когда горечь неутолённого любопытства в глазах бывшего друга превратилась в сладостное презрение, он тихонько сказал:

– Как красиво...

Ухмылка медленно покинула пухлые уста.

– Что красиво? – напряжённо спросил Пузырь.

– Там, на небесной тверди.

– Где?

Оборвыш терпеливо показал рукой на огненную фантазмагорию.

Пузырь удивился:

– Это же полуденное сияние!

– Странно, правда? – задумчиво сказал Оборвыш. – Дикая штука в небе беснуется, поливает нас дьявольским пламенем. Посмотришь на неё, вдумаешься, представишь размах – трепет душу охватывает. Чудовищная штука... И однако красива, сил нет! Настоящая красота. Страшная красо-

та, нечеловеческая.

– Ну ты даёшь, мыслитель! – Пузырь облегчённо хохотнул и выразительно похлопал себя ладонью по макушке. Смысл жеста был кристально ясен. – Сияния никогда не видел, что ли?

Оборвыш улыбнулся.

– В том-то и странность. Каждый день от него прячусь под деревьями, а вот красоту его понял только сейчас. Как раз в то время, когда ты перемешивал меня с дорожной пылью.

– Нашёл чем восхищаться! – выплюнул Пузырь. – Вместо того, чтобы торчать в лесу, я бы уже успел дотащить повозку до следующей деревни! А ты говоришь... Ты выйди, выйди из тени, пройдишь-ка по дороге, полюбуйся на свою красоту! А потом у тебя волосы повылазят и зубы повыпадают. Твоё замечательное сияние людей губит, путники от него разбегаются кто куда, а ты его тут расхваливаешь.

Сполохи озаряли небесную твердь всё реже и реже, стихия постепенно изнемогала, корчилась в судорогах, отступала. Полдень благополучно миновал, и отдохнувшие путники вокруг засобирались, дружно повставали с пеньков и подстилок, дожёвывая лепёшки, отряхивая рубахи. Пузырь огляделся, нетерпеливо посмотрел на оживающую дорогу, и порыв его красноречия вскоре угас – так же неумолимо, как полуденное сияние.

– Ладно, – сказал бывший друг покровительственно. – Ты в самом деле дурачок. И мысли у тебя, оказывается глупые.

Повернулся, степенно пошёл прочь, впрягся в повозку, потащил её в сторону дороги.

– Удачной перекупки, – пробормотал Оборвыш.

Он улыбался. Наконец-то он остался один. В заплечнике лежит бумага, драгоценнее которой нет ничего в этом мире – что там Пузырёвы клады! – из головы рвутся фразы, и он возьмёт нетронутый лист, обнимет нежными пальцами перо, и небылица послушно ляжет перед ним, рассыплет по его коленям пушистые строки, такая желанная, восхитительно покорная, и душу оставят утомительные видения – душа успокоится...

Когда дорога вновь наполнилась деловой суетой и привычным многозвучием, когда окончательно обезлюдел спасительный придорожный лес, Оборвыш достал бумагу, письменные принадлежности и с наслаждением забыл о существовании этого пыльного, скучного, надоевшего ему мира.

* * *

В небылице, выдуманной Оборвышем, рассказывалось про великана, который смыслом своего существования считал служение меньшим братьям. Был он так высок, что легко мог перешагивать через деревни, леса, реки. Он издали видел, кто из людей попал в беду и нуждается в срочной помощи. Одним махом переносил великан огромное тело, протягивал не знающие усталости руки, и приходило к отча-

явившимся людям спасение. Он всегда вовремя успевал туда, где в нём нуждались, творил добро бескорыстно и самоотверженно, и люди любили великана – каждая деревня, каждая семья отдавали ежедневно часть скудных обедов, чтобы накормить его досыта. И всё было бы прекрасно, если бы не досадное обстоятельство: великана постоянно терзал страх. Нет, он не был трусом, он знал, что не существует в природе опасности, с которой он не смог бы справиться, а боялся великан только одного. Вырастет, – думал он, – другой великан из какого-нибудь младенца, что копается нынче в речном песочке, ведь давным-давно и он сам был таким же малюсеньким и слабеньким, и этот новый великан окажется выше, но тогда ему удастся творить добро лучше, и перестанут люди любить старого великана. Подобные опасения не давали покоя неутомимому стражу людского счастья.

Однажды герой небылицы спас от верной гибели некоего мудреца. Переполненный благодарностью, мудрец спросил: нуждается ли столь могучий рост в услугах его знаний? Великан, не задумываясь, ответил, что очень хотел бы ещё вырасти, да не знает, как это сделать. Нет ничего проще, – уверил его мудрец. Нужно только желание и терпение. Затем объяснил, что в каждом из живущих сокрыта какая-нибудь способность – у великана, например, это способность расти – а чтобы способность проявилась в полную силу, надо её развивать. Способность великана расти проявилась у него в молодости, и он быстро стал выше всех, а потом спряталась, за-

мерла, растворилась в неотложных делах. Пробудить её можно, — утверждал мудрец. Сделать это помогут специальные упражнения. И он показал великану, какие именно движения тот должен производить каждое утро, чтобы разбудить спящий организм, заставить его вновь тянуться ввысь.

Великан принялся усердно выполнять указания мудреца, и вскоре обнаружил, что начал увеличиваться в росте. Поначалу он радовался, как в пору юности, помогал людям с особенным удовольствием, потому что перестал бояться. Он поверил: отныне никто не сможет сравниться с ним в умении вершить добро. Но постепенно помогать людям делалось всё трудней и трудней. Это было очень странно и страшно. Чем выше становился великан, тем мельче и незначительнее казались ему люди, тем сложнее было разглядеть маленькое несчастье маленького человека. Теперь ему трудно было даже ходить, поскольку он запросто мог кого-нибудь раздавить. В конце концов великан понял, что больше он ничем не может быть полезен этим букашкам, испуганно разбегающимся из-под его ног. И тогда он выбрал самое пустынное место, встал там осторожно, решив, что если уж добро у него не получается, то хоть вреда не будет. Ведь он превратился в настоящего исполина, размеры которого не уместятся в воображении, и неловким движением ноги легко мог бы снести целый город.

Небылица заканчивается трагично. Так и стоял великан неподвижно, продолжая между тем неудержимо расти. Го-

ловой он уже подпирал небесную твердь. И в один жуткий миг твердь не выдержала, подалась его напору, треснула. В ней образовалась дыра, и великан, не долго думая просунул туда голову. Что он там увидел, никому не ведомо. Оказалось по ту сторону Неба нечто такое, что человеку знать не положено, каким бы высоким он ни был. Подкосились у великана могучие ноги, и упал он замертво, принесся неисчислимые беды любимому им миру. Глаза у него были выжжены. С тех пор каждый день ровно в полдень сквозь дыру в небесной тверди Неведомое осматривает мир ослепительным взглядом, напоминая всем живущим суровый закон соизмерения.

Такую вот странную небылицу лихорадочно записывал Оборвыш.

Вторая:

Когда день заканчивался, когда в голове стало пусто и легко, когда пришло время полюбоваться сделанным, знакомый голос окликнул Оборвыша:

– Эй, мыслитель!

Оборвыш с болью оторвал взгляд от исписанных листов бумаги. Пузырь уверенно шёл к нему, топча башмаками траву, жуя на ходу лепёшку, сплёвывая шелуху вместе с излишками слюны, привычно ухмыляясь, а позади степенно вышагивал топтун, волоча гружёную повозку, и Оборвыш суетливо спрятал творение рук своих. Пузырь остановился рядом.

– Вот это да! – изумился он. – Ты так и не слезал с пня целый день?

– Слезал, – ответил Оборвыш. – За лиственник прятался, когда нужда одолевала.

– А я думал, ты в город идёшь. Наврал мне?

– Я иду в город.

Пузырь оскалился: ему было весело.

– Этак ты всю жизнь будешь идти и не дойдёшь! А я вон успел в деревеньку местную сходить, – он почмокал губами, делая многозначительную паузу. – Удачно сходил, весь товар обменял. Решил возвращаться в город.

– Поздравляю, – сказал Оборвыш.

– Кстати, я топтуна купил, – похвастался Пузырь. – Очень

дёшево, опять же повезло. Хороший топтун, послушный.

Животное мирно стояло чуть поодаль. Оно ужинало – обдирало шершавым языком кору с ближайшего дерева. Его бока, покрытые редкими кустиками шерсти, ритмично вздымались и опадали. Животное было уверено в завтрашнем дне – точно так же, как его новый хозяин.

– А что ты тут делал? – хитро спросил Пузырь. – Я заметил, как ты что-то там прятал.

– Я прятал? – удивился Оборвыш. – Зачем, Пузырь? Тебе, наверное, показалось.

Бывший друг возмутился.

– Вот ещё! Ничего не показалось! Я собственными глазами видел, как ты под тощий зад что-то сунул. Давай, показывай, мыслитель, не будь иноверцем!

– Нет! – сказал Оборвыш твёрдо. Тогда Пузырь нежно обнял его, легко приподнял и пересадил на траву. Трава была влажной.

На пне лежала небылица.

– Бумага, – тихо произнёс Пузырь. С благоговейным трепетом взял жалобно зашелестевшие листики. – Настоящая...

Оборвыш медленно поднялся, мрачный, как вечернее небо, и вынул плод своей фантазии из рук бывшего друга. Тот не сопротивлялся – зачарованно смотрел на драгоценный предмет.

– Бумага, – повторил Пузырь, поражённый. – Неужто настоящая?

– Настоящая, – буркнул Оборвыш.

– Откуда она у тебя?

– Нашёл, – он аккуратно сложил рукопись в заплечник.

– Ты знаешь, сколько она стоит?

– Знаю.

Пузырь долго молчал. В глазах его мерцала зависть.

– А зачем ты её исчиркал?

Оборвыш криво улыбнулся. Лёгкое раздражение, на миг посетившее сознание, быстро отступало.

– Писал, – объяснил он. – Записывал небылицу.

– Писа-ал? – протянул Пузырь. И чуть не выронил лепёшку от изумления. – Ты умеешь писать?

– Да.

– Как жрец, что ли?

– Это не запрещено.

– Ну, мыслитель... – Пузырь не знал, что и сказать, какое ругательство найти. – Где обучился-то?

– На пнях.

– Понятно... От нечего делать.

– Да, ты прав, – Оборвыш зевнул, потянулся, неторопливо надел заплечник и, не оглядываясь, пошёл вглубь леса.

– Эй, погоди! – окликнул его Пузырь. Он остановился. – Ты куда? Давай, вместе заночуем!

– Я подумал, что ты захочешь ужинать в одиночестве.

Пузырь добродушно посмеялся.

– Ничего, поделюсь с тобой. Земляк как-никак. Интерес-

но ведь, второй раз встречаемся сегодня!

Оборвыш вернулся, улыбаясь. Он вдруг ощутил радость оттого, что Пузырю, оказывается, небезразлично его общество. Точнее, не очень безразлично. Конечно, друг детства нынче стал толстым, самоуверенным, испорченным дорогой перекупщиком, но всё-таки это был он. И пусть Пузырь покинул деревню в качестве «бывшего друга», пусть их тогдашняя ссора оставила в памяти гнусный след, всё-таки это был он.

– Ладно, – согласился Оборвыш, – давай заночуем вместе. Темнело очень быстро. Небесная твердь на глазах угасала. Мрак опускался на лес неотвратно, заставляя путников торопиться.

– Смотри, – сказал Пузырь. – Присоска ползёт. – Скривившись, он наступил на мерзкую тварь башмаком. Раздался хруст, из-под ноги брызнуло. – Вот гадость! Уже напилась где-то крови.

– Сейчас повылазят, – пообещал Оборвыш. – Проклятье нашего мира... – он собрался было порассуждать немного, развивая эту мысль, но Пузырь оборвал его:

– Подбери место. Наверху и поговорим.

– Хорошо, – сказал Оборвыш, послушно задрал голову и принялся разглядывать кроны ближайших деревьев.

Пузырь подошёл к повозке. Топтун уже нетерпеливо переступал лапами и беспокойно озирался. Пузырь ласково потрепал его мохнатую мордочку, почесал между ушами, и тот

радостно зафыркал. Потом распряг животное. Ощувив свободу, топтун совершил дикий прыжок, звонко пискнул, га-лопом обежал вокруг пня, а затем, успокоившись, принялся быстро карабкаться на дерево – то самое, кору которого только что обдирал. Пузырь с гордостью смотрел, как ловко он цепляется за ствол сильными когтистыми лапами. Да, хорошая была покупка.

– Мне кажется, вот этот лиственник подойдёт лучше всего, – предложил Оборвыш, указывая рукой.

– Мне всё равно, – отозвался Пузырь. – Он подкатил повозку к выбранному Оборвышем месту ночлега и добавил со смешком. – Представляешь, никак не могу привыкнуть в лесу ночевать. Боюсь, что пока сплю, товар украдут. Хотя какой же ненормальный решится ночью бродить, когда внизу присоски кишат.

Он достал из-под мешков с товаром плетёную постель, забрался на повозку, обхватил ствол дерева руками и, громко пыхтя, полез наверх. Оборвыш последовал за ним. Его постель, свёрнутая в тугой комок, лежала в заплечнике. В последний момент невесть откуда взявшаяся присоска попыталась схватить Оборвыша за ногу, но тот успел отшвырнуть её в сторону.

Бывшие друзья устроились на ветках, крепко-накрепко привязали постели, повисли совсем близко друг от друга. Причём Пузырь закончил раньше и помог Оборвышу: конечно, опыт у него был куда богаче. Уже окончательно стемне-

ло. День закончился.

– Ну вот, – сказал Пузырь, – теперь можно спокойно поужинать.

Как оказалось, истинный клад скрывался у Пузыря в мешочке на поясе. Под музыку сладострастных вздохов, бурчаний, причмокиваний был извлечён запас лепёшек и целая кожанка подслащенного древесного сока.

– Бери, – щедро предложил Пузырь. – Пей, ешь.

– Спасибо, – пробормотал Оборвыш. – Мне хватит одной.

Он взял лепёшку, откусил, хлебнул из протянутой кожанки и понял, что день прошёл не зря. Небылица придумана. Небылица написана. Небылица надёжно уложена в заплечник, рядом с нетронутой бумагой и чернилами, бок о бок с остальными рукописями. Ещё одна пленница безропотно вошла в душную клетку. Там, в грубом мешке, покоилась гордость Оборвыша, смысл его, жизнь его – весь он там поместился, от башмаков до мыслей. И новая небылица добавила чуть-чуть тяжести спрятанным за спиной сокровищам. Она легла мёртвым грузом, заснула вечным сном, но это не страшно: придёт время, и она оживёт, проснётся, выйдет из темницы, вообще – все пленницы грязного заплечника, все до единой покинут тюремную клетку, разлетятся по миру, засверкают ярче полуденного сияния – так будет не скоро, но так будет, Оборвыш это знает, Оборвыш в этом уверен, ради этого он и ступил на дорогу, ради этого и начал стаптывать башмаки... Он с удовольствием доел лепёшку и в последний

раз глотнул из кожанки древесного сока.

– Ну как? – поинтересовался Пузырь, насытившись сам. – Тебе, наверное, мало? Может, ещё?

– Нет, не надо, – ответил Оборвыш благодарно. – Очень вкусно, но я уже наелся.

– Наелся?.. – выговорил Пузырь с трудом. – Уже наелся?.. – повторил он. – Лепёшечкой? – и не в силах сдерживаться, затрясся в висящей над чёрной бездной постели, безудержно хохоча, захлёбываясь утробными звуками, булькая выпитым соком. Ветка некоторое время ходила ходуном.

– Не обижайся, Оборвыш, ладно? Я понимаю, еда – это святое, но ты меня просто рассмешил. Потому что странный ты парень. Мудрецом себя мнишь – ерунда, ничем в жизни не занялся – твоё дело. Но вот что меня больше всего удивляет, так это то, каким ты стал тощим. Вроде бы нормальным родился, я помню время, когда ты даже крупнее меня был. А потом вдруг стал худеть. Это началось ещё до нашей ссоры. Я специально вспоминал – примерно с тех пор, как ты вздумал на пнях сидеть и глупые истории выдумывать. А когда я с тобой подрался и ушёл из деревни, ты был уже тоньше, чем мизинец. Теперь-то, между прочим, совсем прозрачный, как только на ногах держишься... Да, забыл сказать! Сегодня вечером, когда я к тебе второй раз подошёл, мне вдруг опять показалось, будто ты похудел. Я имею в виду, не с детских времён, а по сравнению с тем, каким я тебя в полдень встретил. Наверное, ошибся. Ты не обижаешься, Оборвыш?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.